

Тело обнаженное и тело одетое: японский вариант

Первые европейцы проникли в Японию в XVI веке, однако вскоре были изгнаны и вернулись лишь три столетия спустя. За это время жизнь в Европе сильно изменилась, однако при столкновении с японской культурой европейцы по-прежнему испытывали шок: они были возмущены тем, что японцы совершенно не стесняются своей наготы, а их отношения между полами отличаются полной «безнравственностью». Японские крестьяне и ремесленники работали полуобнаженными, матери кормили младенцев грудью прямо на улице, а публичные дома процветали. В своей статье специалист по истории и культуре Японии Александр Мещеряков рассуждает о проявлениях телесного в искусстве и моде традиционной Японии, а также сравнивает отношение к обнаженному телу в западном и восточном обществах. Материал опубликован в журнале «Теория моды. Одежда. Тело. Культура» (2010. Вып. 17).

Первые европейцы (в основном миссионеры) проникли в Японию в середине XVI века. Однако менее чем через столетие они были изгнаны, ибо власти увидели в их проповеди подрывную деятельность — миссионеры учили, что власть духовная важнее власти светской. Военное правительство страны (сёгунат Токугава, 1603–1867) объявило Японию «закрытой страной», въезд и выезд были строжайше запрещены. Исключение сделали только для Ост-Индской голландской компании, обосновавшейся на крошечном острове Дэсима возле Нагасаки. При этом количество кораблей, которые разрешалось посылать голландцам, было крайне ограниченным. «Второе пришествие» европейцев датируется серединой XIX века. И это были уже не только миссионеры, но и торговцы, моряки, дипломаты, промышленники, военные, что, однако, не отменяет их конфессиональной принадлежности и вытекающей из нее христианской картины мира.

Между первым и вторым «пришествиями» прошло достаточно много времени, жизнь в Европе сильно изменилась, но культурный шок, который испытывали европейцы при столкновении с японской культурой, никуда не делся. Характеризуя японцев — в отличие от столь многих других «азиатов» — как народ образованный, организованный, чистоплотный, воспитанный и трудолюбивый, они по-прежнему продолжали возмущаться тем, что японцы совершенно не стесняются своей наготы, а их отношения между полами отличаются полной «безнравственностью». Японские крестьяне и ремесленники работали полуобнаженными, матери кормили младенцев грудью прямо на улице, японцы купались в совместных общественных банях, публичные дома процветали, «порнографические» гравюры продавались на каждом углу, элита практиковала полигамию.

Действительно, традиционная Япония (как и вся дальневосточная культура конфуцианского ареала) никогда не знала такого ригористичного отношения к телу и ко всем проявлениям телесного, как в христианских странах. Высказывание папы Григория Великого «Тело есть отвратительное вместилище души» не могло быть порождено на Дальнем Востоке.

Не было принято в Японии и истязание, самобичевание и наказание «греховной» плоти. Дальневосточная культура не создала ничего подобного образу страдающего распятого Христа. Люди не желали обрести и не искали на своем теле стигматов. Японская официальная культура осуждала любовь как слепую страсть, но подконтрольный

сознанию секс такого возмущения не вызывал. Брак не освящался церковью, не считался таинством, связь с куртизанкой не считалась зазорной, что вызывало жестокую критику европейцев. Наряду с другими культурными «нестыковками», специфически христианское представление о теле как источнике греховности создавало непреодолимые препятствия для сколько-нибудь широкого распространения христианства в Японии даже тогда, когда в стране реально существовала свобода вероисповедания.

Европейцы упрекали японцев в «бесстыдстве», однако так ли «ужасно» обстояли дела в действительности? На самом деле на экспозицию обнаженного тела и его изображение существовали серьезные ограничения и в самой Японии. Европейцы сурово осуждали японцев за телесную нестыдность, но следует иметь в виду, что чем выше был статус человека, тем меньшая часть его тела подвергалась экспозиции — представителя элиты никогда нельзя было увидеть обнаженным. Те же занятия, для которых требовалось раздеваться, котирировались в Японии невысоко. Это касается прежде всего крестьян и городских низов. Представителям социальной группы «неприкасаемых» (хинин — букв. «нечеловек») запрещалось законом носить длинное кимоно ниже колен. Замечательный писатель Ихара Сайкаку (1642–1693), яркий представитель низовой городской культуры, с осуждением отзывался о борцах сумо: «Люди основательные развлечения ради... занимаются каллиграфией или рисованием, увлекаются чайной церемонией, игрою в ножной мяч, стрельбой из лука или пением... Все это вполне достойные занятия. А что хорошего в развлечении, при котором надобно раздеться догола да еще всякий раз подвергать опасности свое здоровье? Право же, смотреть противно!» (Сайкаку 2001: 35).

В отличие от простолюдинов представители высших социальных страт избегали посещения общественных бань. Однако, если в Европе баня считалась рассадником разврата, в Японии принимались в расчет другие соображения: баня лишала одежды, то есть статуса. Самурая не рекомендовалось мыться в бане потому, что он должен был на какое-то время остаться без меча — главного атрибута военного сословия. Меч был наделен для самурая таким же огромным смыслом, что и нательный крест для христиан.

На средневековых рисунках и гравюрах мы можем видеть обнаженных детей, неудачников, которые проигрались в азартные игры, грешников в аду — то есть лиц, потерявших (или еще не обретших) социальный статус. То же самое относится и к преступникам: их допрашивали, пытали и казнили полуобнаженными. На кожу преступников наносились татуировки, свидетельствующие об их злодеяниях и «ходках». Цветные татуировки, которые зачастую покрывали весьма значительную часть кожного покрова, были достаточно широко распространены среди городских низов, но самураям их делать было запрещено. Таким образом, критику со стороны европейцев на самом деле следовало бы расценивать как адресную, но для них все японцы были на одно лицо.

Боязнь сексуального осквернения также никогда не носила в Японии маниакального характера, свойственного Европе. Христианство решительно табуировало наготу. До такой степени, что это вызывало неприкрытое удивление японцев. Потерпевшие кораблекрушение у российских берегов японские моряки, которых миссия Н.П. Резанова возвратила на родину в 1804 году, отмечали, что в жару «на [российском] корабле всякий обливался водой два-три раза в день. Русские при любой жаре донага не раздевались и, даже обливаясь водой, оставались в однослойной одежде» (Гэнтаку, Хироюки 2009: 299–300).

В христианской Европе запрещалось, естественно, и изображение полового акта — недостижимым идеалом считалось непорочное зачатие. Японские же «безбожники» высмеивали последователей христианства на том основании, что они поклоняются Христу,

у которого не было отца, то есть он является социально ущербным маргиналом. «[Христиане] говорят об Иосифе и Санта Марии, что они всю жизнь были добродетельны и не жили вместе, но стали отцом и матерью — родился Иисус Христос. И это они почитают за высшее добро. Случается, что муж и жена не живут вместе, но нормой для всех людей является совместная жизнь. Тот, кто поступает по-другому, творит зло» (Нихон сисо тайкэй 1970: 483).

Средневековая японская городская культура имела мощную чувственную составляющую, которая реализовывалась, в частности, в разветвленной сети разрешенных властью публичных домов. Широчайшее распространение имели и цветные гравюры, изображавшие проституток и их клиентов в самых нескромных позах. Эти гравюры назывались «сюнга» — «весенние картинка».

Название «сюнга» обусловлено тем, что традиционный для Дальнего Востока новый год символизировал наступление весны. В первый день нового года люди дарили друг другу календари с «нескромными» картинками, что, разумеется, было связано с культом плодородия (Asano Shugo 2000: 221). Однако постепенно жанр сюнга утрачивал свое культовое значение и превращался в «эротический». При этом на «весенних картинках» практически никогда не изображался половой акт между супругами. Семья предназначалась совсем для другого.

Сюнга были предметом не для публичного («музейного») любования, а для индивидуального потребления — в качестве учебника (известно, что сюнга входили в состав приданого), для возбуждения желания и, вероятно, в качестве вспомогательного средства для рукоблудия. Эти нескромные картинки не имели статуса настоящей живописи и никогда не украшали дом — в «красном углу» японского дома вешались пейзажные свитки или же каллиграфия. Начиная с 1722 года правительство неоднократно запрещало нескромные картинки, но как-то непоследовательно и вяло, так что в действительности они сохраняли широчайшее бытование.

При этом главным мотивом запрета служило не нарушение художниками моральных норм, а требование вести экономный и скромный образ жизни. Сексуальная жизнь воспринималась как атрибут жизни «нормальной», как частное проявление творительных потенций Природы и Неба, как реализация мужского и женского природных начал — Ян и Инь. Инвективы правительства против проституток не подразумевали «запрета на профессию» — регламентации и осуждению подвергались их «роскошные» одеяния и украшения. И в этом отношении проститутки мало чем отличались от остального населения Японии, которое подпадало под те же самые ограничения. Запрет на употребление красного цвета в цветных гравюрах (1792 год) следует понимать в русле этих же самых ограничений. Государство предписывало японцам жить в мире приглушенных тонов.

Связь между цветом и половым влечением не придумана автором статьи — любовь к чувственным удовольствиям определялась в японском языке как «иро гономи» — «любовь к цвету». Яркость же расценивалась как вызов одной из основных официальных установок — установке на экономность, которая в результате распространялась и на цвет.

Несмотря на то что объектом изображения сюнга был половой акт, на этих картинках далеко не всегда можно встретить полностью обнаженное тело. Даже при изображении самых страстных мгновений свидания мужское тело обычно не обнажается полностью (и это при том что гипертрофированное изображение половых органов считалось вполне допустимым). На покрывающей спину мужчины одежде часто можно увидеть родовую

герб, временами мы наблюдаем любовника с заткнутым за пояс кинжалом или даже мечом, которые указывали на самурайский статус его обладателя. Распространенная в литературе трактовка меча как фаллического символа не представляется основательной, поскольку этот меч всегда находится в ножнах и своим острием направлен в другую от женщины сторону; кроме того меч и фаллос обладали в японской культуре совершенно различной статусной значимостью, так что их уравнивание было для самурая делом невозможным. Японцев заботил прежде всего социальный статус — будь то пир, баня или публичный дом.

Критика европейцами «весенних картинок» вызывала у японцев полное непонимание. Еще во второй половине XIX века, когда в стране стало значительно больше иностранцев, многие японцы не находили в них ничего предосудительного. Показывая русским путешественникам «нескромные» картинки и предметы в присутствии японской девушки, чем те были немало смущены, один из персонажей путевых очерков Крестовского утверждал: «Для европейцев оно не совсем понятно... и это оттого, что европейцы, извините меня за откровенность, всегда подкладывают под подобные вещи какой-то особенный непристойный смысл, которого мы... не допускаем... Для нас это есть священная эмблема жизни, воплощение всего сущного, мужское и женское начало, или, говоря философски, — элемент активного и пассивного, действующего и страдательного» (Крестовский 2002: 391).

В то же самое время в Японии отсутствовало изображение обнаженного тела как такового, вне связи с половым актом, общественной баней или какой-то другой бытовой ситуацией. То есть любованию телом и его формами в японской культуре не находилось места. Ничего подобного античной (а вслед за ней и европейской) скульптуре, где предметом изображения является тело как таковое, Япония не знала. Японцы не вычисляли пропорции идеального тела. «Автопортрет» Дюрера, где он представлен совершенно обнаженным, в японской культуре был невозможен. Поэтому западные репрезентации обнаженного тела вызывали откровенное удивление уже у японцев. Вот как отзывался о парковой скульптуре Царского Села попавший в Россию в конце XVIII века японец: «Среди них есть и мужчины и женщины, все они голые, некоторые из них сидят, другие стоят, а иные скорчились. У них все сделано откровенно, вплоть до тайных мест. Работа настолько искусная, что невозможно выразить словами, но смотреть на них очень неприятно и както жутковато» (Хосю 1978: 125)[\[1\]](#).

Как уже было отмечено, японское государство и общество терпимо относились к проституткам и их клиентам. Секс как таковой неприязненных чувств не вызывал. Однако по отношению к такому долгосрочному чувству, как «любовь», общественное мнение было настроено более решительно. Любовь квалифицировалась как неконтролируемая холодным разумом страсть и, как и всякое другое проявление эмоциональности, подлежала осуждению. Такая любовь расценивалась как разновидность безумия, приводящего к убийствам, самоубийствам, растратам, распаду семьи. Браки заключались по сговору родителей, идеальные семейные отношения представлялись как поле для проявления долга и должной церемониальности. Вот почему высокая литература, в том числе поэзия, эпохи Токугава напроць лишена любовной составляющей.

Конечно, художественная проза этого времени не могла полностью избежать любовной проблематики, но такие произведения, как цветная гравюра укиёэ, считались принадлежностью низкого жанра. Занятием, достойным настоящего или же благородного человека, считалось сочинение трактатов, приносящих пользу в деле воспитания потомства и управления государством. И в «пути самурая», и в «пути европейского рыцаря» ценится верность, но в Японии весь ее потенциал использовался на служение

сюзерену и не растрчивался на служение прекрасной даме. В связи с этим европейская литература Нового времени, в которой тема свободной любви занимает столько места, квалифицировалась японцами как безнравственная — несмотря на то что в то время бурные сцены европейских романых свиданий обычно заканчивались лишь жаркими поцелуями. Однако сама возможность вовлечения в любовный процесс замужней женщины или же брак «по любви» казались вопиющей безнравственностью. Что до поцелуев, которые можно иногда обнаружить и в произведениях японских художников, то целовать можно было только проститутку, а не порядочную женщину. К тому же поцелуй квалифицировался как верх негигиеничности.

В традиционной Японии особенный акцент ставился на социальных обязанностях. Первейшей из них считалась забота о родителях. Тело даровано человеку родителями, а потому он не имеет права распоряжаться им по своему хотению. В связи с этим и тело воспринималось как инструмент служения родителям. Отсюда следовал непреложный вывод: для того чтобы человек мог исполнить свой сыновний (дочерний) долг и ухаживать за престарелыми родителями, он должен заботиться о своем здоровье. Впечатляющие достижения в области медицины и гигиены, подробная разработка норм, как мы сказали бы сейчас, здорового образа жизни имеют истоком именно убеждение в том, что тело дано человеку с высокими социально-моральными целями.

Японское общество было статусным, смена сословной принадлежности не допускалась. В связи с этим культура уделяла огромное внимание одежде, которая ясно маркировала положение человека в обществе. Насчитывалось четыре основных сословия: самураи, крестьяне, торговцы и ремесленники. Только самураям дозволялись шелковые одежды, только они имели право на ношение меча и кинжала. Элита обладала рангами, каждый ранг маркировался специфической одеждой, ее цветом и аксессуарами, прической, головными уборами.

При этом одеяния элиты не претерпевали существенных изменений в течение веков — в качестве идеала выступала неизменность порядков и обыкновений, включая одежду. В связи с этим одежда европейцев вызывала недоумение. Не только необычным кроем, но и непостоянством.

Испанец Родриго Виверо, который в 1609 году потерпел кораблекрушение у берегов Японии, приводит слова японского чиновника, возмущенного «разнообразием их [европейцев] костюмов — области, в коей испанцы столь непостоянны, что-де каждые два года одеваются на иной лад». Что до самой Японии, то этот чиновник похвалялся тем, что «его народ более тысячи лет не изменял своего костюма»^[2]. Феликс Мейлан, глава голландской торговой миссии в Нагасаки в 1826–1830 годах, подтверждал, что за два с лишним истекших века положение не изменилось: «Для нас, европейцев, наши одежды и наряды — уже совсем не те же, что у наших отцов, не говоря уже о дедах — они не имеют между собой ничего общего. Если же посмотреть на изображения японцев, которые жили триста лет назад, и сравнить их с картинами, на которых представлены их потомки, то окажется, что их одежда и прически не претерпели никаких изменений. Приверженность японцев к неизменности старомодных одежд позволяет им избежать дорогостоящих и бессмысленных трат, связанных с изменением моды» (Meylan 1830: 84).

Одежды высших придворных, аристократов и князей волочились по полу. Одежды аристократок представляли собой многослойные (до 12 слоев) накидки с подобием шлейфа. Аристократы и высокопоставленные самураи носили шаровары (нагахакана), штанины которых были намного длиннее ног. Такие одежды сковывали движения и не предназначались для сколько-нибудь быстрого передвижения — их обладатель был

вынужден не «шагать», а волочить ноги по полу. Для элиты демонстрация ног считалась нарушением приличий. Носители власти и авторитета ассоциировали себя с неподвижностью, а не с движением.

В связи с вышеуказанными обстоятельствами японцы предстают перед нами как люди крайне чувствительные в отношении одежды. В произведениях японской литературы (как древней, так и средневековой) описания внешности персонажей редки, в портретных изображениях лица высокопоставленных людей лишены, как правило, индивидуализирующих черт, они больше походят на маски, чем на реальных, неповторимых и уникальных людей. Японский портрет характеризуется тем, что лицо как бы «смазано», глаза почти что закрыты или же только намечены. Европейская идея о том, что «глаза — зеркало души», была японцам чужда. Итальянский торговец и искатель приключений Франческо Карлетти (1572–1636), побывавший в Японии в 1597–1598 годах, писал, что местный идеал красоты предполагает не большие, а маленькие глаза (Foreign Images and Experiences of Japan 2005: 188).

Чем выше был статус изображаемого человека, тем меньше в нем было «портретного» сходства. Люди высокого статуса (как мужчины, так и женщины) покрывали лицо толстым слоем грима, создавая дополнительный социальный маркер и дополнительную защиту от злых духов, чужих глаз и порчи. Этой же цели служили и внушительные зонты, которые — вне зависимости от погоды — слуги несли над знатным человеком во время его выходов за пределы дома.

Сам император никогда не появлялся перед своими подданными, а изображение его лица было табуировано. В случае если он все-таки изображался, перед зрителем представала нижняя часть тела, а верхняя была скрыта облаками (одним из обозначений императора был термин «сокрытый в облаках»). Изображение императора дозволялось только после того, как он отрекался от трона (отречение считалось делом обычным и являлось составной частью политической системы)^[31] и принимал монашеский сан. То же самое можно сказать и о сёгуне. Если оценивать ситуацию в целом, то в высших стратах японского общества наблюдается больше ограничений на демонстрацию тела (включая лицо), чем в Европе.

О том, кто именно изображен на японском портрете, обычно можно судить только по надписи (понятен лишь статус изображаемого). Знакомясь с японской живописью, европейцы отмечали, что местные художники хорошо изображают природу и одежды, но внешность людей им не удается. Но на самом деле речь должна идти не столько об отсутствии должного мастерства, сколько об установке культуры на то, что сходство изображения и изображаемого оценивается совсем по другим параметрам.

Душа японца (во всяком случае обладающего определенным статусом) была заключена не столько в глаза и лицо, сколько в одежду, аксессуарах и причёске. Одежда придавала телу необходимый экзистенциальный, половозрастной и социальный статус, индивидуальные черты лица лишь затемняли его. «Портрет» человека того времени — это всегда портрет должным образом одетого человека. Именно соответствие изображаемого своему статусу и есть его портретное сходство.

Установка официальной (конфуцианской) культуры на сдерживание внешних проявлений эмоций также способствовала тому, что лицо не воспринималось в качестве отражения душевного состояния человека. Воспитанному и благородному самураю и мужу (даме) приличествовало всегда сохранять невозмутимое, непроницаемое выражение лица. Согласно представлениям самурайской культуры, громкий голос, смех и плач, чрезмерное

проявление гнева, печали и радости выдавали «подлое» происхождение или же свидетельствовали о недостойной слабости. На произведениях японских художников с открытым ртом мог предстать только отрицательный персонаж. Европейцам же японское лицо казалось «непроницаемым», в чем они зачастую усматривали «бесчувственность» и «двуличие». Развитая мимика европейцев, напротив, служила для японцев еще одним признаком их «некультурности».

Таким образом, в токугавской Японии мы наблюдаем не культ лица, а культ одежды. То есть в облике человека подчеркивалась не столько его переменная (мимика), сколько неизменная (статусная) составляющая. Одежда была лишена индивидуализирующего значения, понятие моды отсутствовало (или было очень ослаблено), никакие новшества не приветствовались. Одежда состояла из ряда подпоясанных халатообразных накидок (пуговиц японцы не знали), которые скрывали особенности телесной конституции. Костюм не облегал тело, а маскировал его. Если оценивать ситуацию в целом, то можно сказать, что японских морализаторов, писателей и художников больше интересовали в облике не те черты, которые выделяли человека (индивидуальность) из толпы (особенности внешности, мимики), а те, которые ясно обозначали его статус. Поэтому при введении в повествование того или иного персонажа писатели часто указывали на его одежду и прическу, определявшие возраст, общественное положение или род занятий. При этом эти указания прописываются в литературных и живописных произведениях с подкупающей тщательностью, так что всегда можно мгновенно определить, к какой общественной страте относится тот или иной персонаж.

Не будет преувеличением сказать, что японская культура исповедовала принцип: нет одежды, нет и человека. В то время среди японских (как, впрочем, и среди русских) крестьян инфантицид был достаточно распространенным явлением. Но он допускался только до того момента, когда ребенку давали имя и надевали на него первую одежду (с седьмого по тридцатый день после рождения). До этого его кутали в разное тряпье. Такого ребенка полагалось отнести в храм и «объявить» богам, но можно было отнести в храм и пояс его парадного младенческого кимоно, над которым читались оберегающие молитвы. В одежде «жила» душа носившего ее человека. Ткань можно было подарить любому, но дарение ношенной одежды свидетельствовало об особо близких связях между дарителем и тем, кому такой подарок делался. Попадание одежды к постороннему считалось делом опасным, ибо он мог проделать с ней ритуалы черной магии. Поэтому существовал и запрет на одалживание одежды, в особенности пояса — той части одежды, которая соприкасалась с животом — непосредственнымместилищем японской души.

В связи со своим более низким гендерным статусом облик женщины подвергался меньшей регламентации, чем облик мужчины. Считалось, что красота женщины заключена не в ее теле или лице, а в ее душе. Знаменитый моралист Кайбара Экиэн (1630–1714) в своем поучении женщинам («Оннано дайгаку») решительно утверждал: «Будет лучше, если душевные качества женщины станут превосходить внешние. Отказываться от женской добродетели и служить [мужчине], полагаясь лишь на внешность, считалось встарь, считается и теперь дурным. Мудрецы древности не отвергали даже тех, чья внешность была поистине безобразна, и если у женщины обнаруживался превосходный нрав, то она могла стать и императрицей»[4]. Приведя соответствующие примеры из древней китайской истории (которая считалась тогда моделью и для современной Японии), автор продолжает: внешность дается рождением и не поддается изменению, поэтому следует трудиться над воспитанием добродетельности — в таком случае и внешность не сможет послужить помехой для исполнения своего долга. Таким образом, ясно утверждается приоритет культурного над природным: настоящей ценностью обладает то, что возможно изменить, реформировать, окультурить.

Представление о том, что привлекательность женщины заключена вовсе не в ее внешности, глубоко укоренилось и в японской литературе. Вместо того чтобы описывать внешность красавицы, Ихара Сайкаку предпочитает описывать ее одежды, аксессуары и прическу: «Поверх нижнего кимоно из узорчатого белого шелка на алом исподе на ней было нарядное фурикодэ [верхняя накидка, носимая незамужними девушками] с рисунком в виде кипарисовых вееров, подвязанное поясом, сплетенным из крученых лиловых нитей. Небрежно уложенные волосы посередине перехвачены золоченым шнурком. <...> В руке вместе с веером, украшенным кистями, она держала листья тутового дерева» (Сайкаку 2001: 72).

«Красота» представителей высших страт была заключена прежде всего в одеждах и церемониальном поведении. Поэтому выявление индивидуализирующих особенностей внешности может происходить только при описании «простонародья». При этом описывается не столько «красота», сколько безобразность, по параметрам которой мы и можем судить о нормативных представлениях о красоте. В юмористическом рассказе Ихара Сайкаку опытный сват так расхваливает свою безобразную клиентку: «Личико у нее хоть и скуластое, но приятной округлости. <...> Ноздри, может быть, и великоваты, зато дышит она легко и свободно. Волосы, нет спору, редкие, но это имеет свое преимущество: не так жарко летом. Талия у нее, конечно, чересчур полная, но и тут ничего страшного — поверх платья она всегда будет носить парадную накидку свободного покроя, поглядишь — и на душе приятно. А то, что пальцы у нее толстые, тоже не беда, крепче будет держаться за шею повитухи, когда приспееет время рожать» (там же: 173).

Человек, занимающий положение в обществе, — это всегда человек

одетый. «Разоблачение» тела лишало его носителя места в обществе и уничтожало его статус. При изображении художниками общественных бань лица моющихся простолюдинов характеризуются достаточно большой степенью индивидуализации. Таким образом, связь между обнаженностью и индивидуализацией имеет вполне отчетливый характер. Показательно, что в серии рисунков Маруяма Окё (1733–1795) под названием «Полная книга истинных людских изображений» действительно представлены индивидуализированные изображения, но портретируемые предстают

в обнаженном виде^[5]. Таким образом, для того чтобы реалистически показать лицо, требовалось «раздеть» его обладателя. Или же убить — изображения лиц преступников, подвергнутых казни через усекновение головы, обладают большой степенью индивидуализации. Большой выразительностью и подвижностью лиц и поз обладают также персонажи шуточных картинок (карикатур). Во всех указанных случаях речь идет об утрате портретируемым (изображенным) социального или даже человеческого статуса.

Внимание японцев к одежде хорошо видно и в тех текстах, которые призваны представить «объективную» информацию о жизни за границей. Конфуцианский ученый Кацурагава Хосю изложил сведения о России, почерпнутые им от капитана корабля Дайкоку Кодаю, который попал в Россию

в 1783 году в результате кораблекрушения (Хосю 1978). О внешности русских там говорится совсем немного, однако описанию одежд уделены целые страницы. Одежда мужская и женская, взрослых и детей, разных народностей и сословий, праздничная и обыденная, священников и простолюдинов и, конечно же, одеяния всех чиновничьих и военных разрядов описаны с чрезвычайным тщанием и даже любовью. Показательно, что проницательный капитан В.М. Головин, очутившийся в плену у японцев в 1811 году, при

описании японского платья отмечает, по преимуществу, особенности одежды японцев как таковых, но более тонкие различия в платье, свидетельствующие о сложной социальной дифференциации, как правило, ускользают от него. «Все японцы, кроме духовных, носят платье одного покроя, также и голову убирают одинаковым образом все состояния без различия» (Капитан флота Головнин 2004: 357). При рассмотрении инородцев японский и русский капитаны использовали те языки описания, которые были актуальны и привычны для их собственных культур.

До середины XIX века непосредственные контакты японцев и европейцев имели крайне ограниченный характер. Однако, после того как натиск западных держав вынудил Японию открыть часть своих портов для торговли, в страну хлынул поток европейской культуры. Правительство, желая догнать Запад, приступило к широкомасштабным реформам. В том числе и к реформированию тела. И теперь оно чутко прислушивалось к мнению европейцев. Издавались многочисленные распоряжения, направленные на то, чтобы японцы отказались от привычного им телесного поведения. Государственных служащих обязали носить европейскую одежду. Теперь японцам не разрешалось появляться на улицах полуобнаженными, справлять нужду на публике. Совместные бани были запрещены. Точно так же, как и публичные дома. Однако все эти запреты были рассчитаны прежде всего на то, чтобы иностранцы сочли Японию страной цивилизованной, а потому их эффективность имела ограниченный характер и мало затрагивала глубинку, где иностранцы никогда не появлялись. Настоящая же борьба была развернута против нескромных картинок.

В рамках правительственной политики борьбы с «дурными обычаями прошлого» последовал ряд указов, запрещающих производство и продажу сюнга. Ближе к концу своей жизни знаменитый православный миссионер отец Николай (Касаткин, 1836–1912), проведший в Японии около полувека и похороненный там, с удовлетворением отмечал в 1908 году: «Сорок лет тому назад нельзя было войти в книжную лавку без того, чтобы тебе не совали под нос книжку с мерзкими картинками, нельзя было войти в гостиницу пообедать, чтобы не натолкнуться на скабрзность; теперь ничего подобного нет. Кто очистил воздух Японии от скверных миазмов? Дух Христов, дунувший на нее из христианских стран» (Дневники Николая Японского 2004: 435). К этому времени нескромные картинки если и не исчезли из продажи совсем, то были вытеснены на обочину «приличного» образа жизни.

Правда, следует иметь в виду, что это было время, когда функционирование самой цветной гравюры претерпевало решительные изменения. Они были связаны с быстрым распространением фотографии, которая отбирала у гравюры многие ее функции. Эротическая (порнографическая) фотография также потеснила сюнга. Цветная японская гравюра на глазах превращалась в высокое искусство и в XX столетии была востребована почти исключительно именно в этом качестве. В то же время не следует забывать, что проституция как таковая продолжала играть в жизни японцев весьма существенную роль. Гонения на проститутток никогда не достигали той степени накала, какая была присуща борьбе с их изображениями.

В то же время место обнаженного тела в западной культуре вызывало у японцев вопросы. В своем докладе, прочитанном в 1887 году в искусствоведческом обществе «Рютикай» («Общество драконового пруда»), заместитель председателя Хосокава Дзюндзиро с некоторым недоумением заявлял: на Западе нагое тело вытеснено из публичной жизни, но является предметом высокого искусства; в Японии же дело обстоит наоборот — простые японцы не стесняются своего обнаженного (полуобнаженного) тела, но «настоящие» художники его не изображают. Хосокава видел причину этого в античных истоках

европейского искусства (культе тела как такового, вне связи с «непристойностью») и в «объективности» развитых на Западе анатомических штудий (Нориаки 2005: 113–114).

Однако японские художники всетаки постепенно встраивались в европейскую художественную парадигму и пытались экспонировать обнаженную женскую натуру на выставках. Это вызывало активное

противодействие властей. Они запрещали родную цветную гравюру, так почему же они должны делать исключение для европейской живописи маслом? На выставке 1901 года на картине Курода Сэйки (1866–1924) «Обнаженная женщина» нижняя часть изображения была занавешена темной материей. И в последующем откровенные картины этого художника подвергались ожесточенной критике на том основании, что появление обнаженным в публичном месте запрещено законом 1872 года. Таким образом, в сознании многих японцев того времени тело реальное и тело живописное судились одной меркой. И в этом отношении японцы были, пожалуй, более последовательны, чем их европейские учителя. Японцев поражало, что европейская «улица» столь «моральна», а пространство художественного музея — наоборот, таковой морали лишено.

Для того чтобы все возникшие противоречия улеглись в систему, потребовалось немало времени. Процесс по переосмыслению под западным влиянием тела одетого и тела обнаженного был сложным и длительным. На первый взгляд, он коренным образом изменил традиционную телесную культуру. На поверку оказывается, однако, что это не совсем так — многие культуроформы трансформировались и обрели вполне уникальное проявление, которое по-прежнему вызывает удивление у западного наблюдателя, вкусы которого претерпели за истекший срок существенные изменения.

В нынешней Японии отношение к «телу одетому» — одежде — сохраняет достаточно прочную связь с традиционными представлениями. Идея о том, что в одежде заключена часть души, продолжает оказывать влияние на повседневное поведение японцев. В Японии практически отсутствуют магазины подержанной одежды, в отличие от России и Запада, в Японии не принято передавать одежду, из которой вырос твой собственный ребенок (исключения допускаются только для родственников). При проведении благотворительных кампаний с целью оказания помощи жителям бедных стран очень часто японцы предпочитают не доставать из своих запасов бывшую в употреблении одежду, а отправляются в магазин, чтобы приобрести новую.

В отличие от многих стран Запада, где одежда и статус уже утратили прежнюю связь, нынешние японцы продолжают одеваться чрезвычайно тщательно. Сословия давно упразднены, но групповая идентичность сохраняет свое значение. Для ее обозначения служит широко распространенная униформа, указывающая на принадлежность к той или иной компании. Ослабленным заменителем такой униформы служат фирменные значки на лацкане пиджака или жакета.

Еще не взятые в фирменный оборот юноши и девушки тоже демонстрируют повышенное внимание к одежде. Это внимание реализуется в том, что они зачастую предпочитают вещи не столько удобные и практичные, сколько немислимо дорогие. Японское телевидение регулярно демонстрирует уличные интервью, когда журналист опрашивает молодых людей с целью выяснить, сколько денег было потрачено на то, чтобы приобрести все то, что надето на нем в данный момент. Называемые цифры приводят западного наблюдателя в шок.

Ныне практически все японцы носят европейскую обувь, но обычно это обувь без шнурков: входя в помещение, следует скидывать ее, а развязывание шнурков (не говоря уже о завязывании) требует времени. Японцы никогда не носят брюки без ремня (чем дороже, тем лучше), встретить японку в европейском платье без пояса — величайшая редкость. И здесь дело уже не только в удобстве, но и в привычке глаза — ведь в традиционной Японии одежды без пояса попросту не существовало. Человек не подпоясанный — это уже и не совсем человек.

Проституция в Японии запрещена законом, но страна полна домами терпимости. В то же время цензурные требования к эротической видеопродукции намного строже, чем на Западе, — показ тайных мест не допускается. Среднестатистический японский мужчина по-прежнему не испытывает особого стеснения, справляя нужду в не предназначенном для этого месте, но этот же самый человек ни при каких обстоятельствах не предстанет перед другими с обнаженным торсом. Автор статьи не раз попадал впросак и имел несчастье убедиться в этом. Однажды, когда я играл в футбол в компании знакомых мне японцев, хлынул ливень. Я поступил, как поступают все русские, то есть снял майку — бегать в мокром было мне неприятно. Своим поступком я заслужил высказанное вслух неодобрение (величайшая редкость среди тактичных японцев), поскольку «цивилизованный» человек не должен разоблачаться в присутствии других. Это требование распространяется и на детей. Когда столбик термометра зашкаливал за 30 градусов, я, ничтоже сумняшеся, снял футболку со своей полуторагодовалой дочери. И тогда в пригороде Киото к нам один за другим подошли несколько японцев, которые вежливо интересовались, не холодно ли ребенку. Так они высказывали свое раздражение по поводу того, что представитель западной части человечества не желает выполнять нормы, завещанные японцам их предками.

Литература:

Бродель 2007 — Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Весь мир, 2007. *Гэнтаку, Хироюки 2009* — Гэнтаку О., Хироюки С. Канкай ибун. Удивительные сведения об окружающих землю морях. СПб.: Гиперион, 2009. *Дневники Николая Японского 2004* — Дневники святого Николая Японского. СПб.: Гиперион, 2004. Т. 5. *Капитан флота Головнин 2004* — Капитан флота Головнин. Записки о приключениях в плену у японцев. М.: Захаров, 2004. *Крестовский 2002* — Крестовский В. В дальних водах и странах. М.: Центрполиграф, 2002. *Мещеряков 2005* — Мещеряков А. Японский император и русский царь. М.: Наталис, 2005. *Нихон сисо тайкэй 1970* — Нихон сисо тайкэй. Токио, 1970. Т. 25. *Нориаки 2005* — Китадзава Нориаки. Кёкайно бидзюцуси — бидзюцу кэйсэйси ното. Токио: Брюккэ, 2005.

Оськина 2009 — Оськина А. Фукудзава Юкити о положении женщин в эпоху Мэйдзи. М.: РГГУ, 2009 (неопубликованная курсовая работа). *Сайкаку 2001* — Сайкаку И. Заветные мысли о том, как лучше прожить на свете. СПб.: Азбука, 2001. *Хосю 1978* — Хосю К. Краткие вести о скитаниях в северных водах («Хокуса монряку»). М.: Наука, 1978.

Asano Shugo 2000 — Asano Shugo. The Imagination and Experience of the Body in Edo Erotic Prints // The Imagination of the Body and the History of Bodily Experience. International Research Center for Japanese Studies. Kyoto, 2000. *Foreign Images and Experiences of Japan 2005* — Foreign Images and Experiences of Japan. Vol. 1. First century AD to 1841. Compiled, edited and in part translated by McOmie W. Folkestone. Global Orientals, 2005. *Meylan 1830* — Meylan F.G. Japan, voorgesteld in Schetsen over de Zeden en Gebruiken van det Ryk, byzonder over de Ingezetenen der Stad Nagasaki. 1830. *Teramoto 2000* — Teramoto J. Problems of

Corporeality in Japanese Painting // The Imagination of the Body and the History of Bodily Experience. International Research for Japanese Studies. Kyoto, 2000.

[1] Трудно сказать, что больше поразило Кацурагава Хосю — обнаженность статуй или же реалистичность изображения вообще. Во всяком случае, реалистичность до сих пор вызывает у многих японцев неприятное чувство. Знакомая автору японская профессорша, которая преподавала в Венеции, с неприязнью отзывалась о местных музеях: «Входишь туда и пугаешься — люди на картинах, словно живые».

[2] Цит. по: Бродель 2007: 289.

[3] О родовых свойствах верховной власти см.: Мещеряков 2005.

[4] Цит. по: Оськина 2009: 39–40.

[5] Об этой серии см.: Teramoto 2000: 193–215.